

МАЙЯ НО

МНЕМОНИЧЕСКИЕ
СТРЕКОЗЫ

Майя Но

Мнемонические стрекозы

<https://litres.ru/74448972>

Аннотация

Мини-история из вселенной "Легенды расщеплённых"

Вы читаете "Гадкую сестру"? Тогда вы помните эту сцену: Церемония первого отражения. Весь рой стрекоз летит к Элис. Одна садится на её плечо — и умирает, оставляя чёрный кристалл. Жрицы в шоке. Эви в ярости. Но что это значило?

Эта история ответит

ЗДЕСЬ ВЫ УЗНАЕТЕ: ☆☆ Откуда взялись мнемонические стрекозы — существа, которые живут один день и собирают самые яркие воспоминания Почему они родились из памяти богини, взорвавшейся от одиночества Как они видят близнецов — баланс, доминирование, слияние ✂ Что случается, когда стрекоза пытается собрать воспоминание девочки с двумя душами Что означает чёрный кристалл, который упал с плеча Элис

КАК ЧИТАТЬ:

Читали "Гадкую сестру"? — тут ответ на все вопросы о магической системе стрекоз Не читали? — начните отсюда! Идеальное введение в мир Империи Двух Лун

Читать можно в любом порядке

ЛИТМОБ "СЕСТРА-ЗЛОДЕЙКА"

"Гадкая сестра" — главная книга про Элис и Эви
"Мнемонические стрекозы", "Серебряная мать" — расширение вселенной, ответы на вопросы

Одна стрекоза. Один день. Одно воспоминание. Цена — жизнь. Награда — вечность. Некоторые истины слишком велики, чтобы их вместить. Но стрекозы пытаются.

Для тех, кто любит: тёмное фэнтези, сложные магические системы, истории где красота ужасна

Содержание

I. РОЖДЕНИЕ ИЗ КРИСТАЛЛА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

I. РОЖДЕНИЕ ИЗ КРИСТАЛЛА

Когда богиня взорвалась от невозможности вместить осознание себя, память тоже взорвалась.

Воспоминания разлетелись осколками по новорождённому миру. Большая часть рассеялась бесследно — обыденные моменты, тысячелетия скуки, всё обычное испарилось, как роса под утренним солнцем. Осталось только экстремальное. Воспоминания, настолько насыщенные эмоцией, что не могли просто раствориться в воздухе — им требовалась форма, структура, контейнер, способный выдержать давление чистого чувства, потому что боль и экстаз обладают массой, весом, плотностью, которые тяжелее любой материи. Последний момент перед взрывом, когда богиня поняла, что умирает и ничто не остановит разрушение. Ужас осознать себя одной в бесконечной пустоте. Отчаяние от невозможности поделиться тяжестью существования с кем-то ещё. Боль разрываемой плоти и экстаз освобождения, когда границы тела наконец рухнули и сознание вырвалось наружу, разлилось по пространству, стало всем и ничем одновременно.

Самые яркие моменты начали кристаллизоваться прямо в воздухе.

Процесс занял три дня. На четвёртый день с неба пошёл дождь из памяти — крошечные осколки размером с песчинку падали на землю, которая только-только остыла доста-

точно, чтобы по ней можно было ходить. Жрицы собирали кристаллы в чаши, не понимая, что держат в руках. Память мёртвой. Боль, застывшую в физической форме. Последние мысли существа, которое не вынесло тяжести самосознания. Они сложили сотни тысяч осколков в верхних камерах храма и оставили в темноте, потому что темнота казалась единственным правильным местом для хранения чужого горя, единственным пространством достаточно глубоким, чтобы вместить страдание богини без риска, что оно просочится наружу и заразит живых.

Прошло столетие прежде, чем кристаллы начали меняться.

Изменения пришли постепенно, как болезнь, которая подкрадывается незаметно, маскируется под усталость, под возраст, под что угодно, пока однажды не проявится во всей своей силе. Сначала камера стала нагреваться по ночам, хотя никакого источника тепла там не было. Температура поднималась между полночью и рассветом, потом опускалась обратно с восходом солнца. Закономерность повторялась, становясь всё более выраженной, пока через десять лет в камере можно было находиться без тёплой одежды даже зимой, когда снаружи ветер пробирал до костей и вода в колодцах покрывалась льдом. Потом кристаллы начали светиться. Слабо. Почти незаметно. Нужно было войти в абсолютную темноту, закрыть дверь, задуть все свечи, подождать, пока глаза привыкнут к черноте настолько полной, что можно было усо-

мниться в собственном существовании, и только тогда видно — тысячи крошечных точек света мерцают в чашах, как звёзды, упавшие на землю. Они пульсировали в ритме, как сердце, как дыхание, как будто кристаллы были живыми и спали, видя сны о том времени, когда были частью большего целого, когда не существовали отдельно, а растворялись в сознании богини, которая ещё не знала, что значит быть одной.

Через двести лет началась вибрация, и это изменило всё.

Жрица по имени Элара первой почувствовала её, когда пришла в камеру в полночь проверить, почему температура вдруг упала. Обычно к этому часу было тепло, почти душно, но сегодня холод, как будто кто-то открыл окно в зимнюю вьюгу. Она вошла, закрыла дверь за собой, и в тишине услышала звук — не ушами, а костями, позвоночником, зубами. Высокая частота, почти ультразвук. Вибрация, которая проходила через тело и заставляла внутренние органы резонировать, как струны под пальцами невидимого музыканта, как будто кто-то играл на ней, на Эларе, превратил её в инструмент без спроса, без разрешения.

Элара подошла к ближайшей чаше. Рука дрожала. Протянула её медленно, борясь с предчувствием, что сейчас случится что-то необратимое, что после этого касания она не сможет вернуться к тому, кем была минуту назад. Коснулась одного кристалла кончиком пальца.

Вибрация усилилась.

Прошла по руке вверх к плечу, через грудь к сердцу, вниз к животу, заполнила всё тело, каждую клетку, каждый нерв, и Элара почувствовала тошноту, головокружение. Мир закружился. Она упала на колени, продолжая держать кристалл между пальцами, не в силах отпустить, потому что в голове вспыхнул образ — чужой, незванный, беспощадный, врывающийся в её сознание, как вор врывается в дом, не стучась, не спрашивая, просто берёт то, что хочет взять.

Не её воспоминание. Богини.

Пустота. Не просто отсутствие чего-либо, а активная, агрессивная пустота, которая высасывает смысл из всего, к чему прикасается. Одиночество длиною в вечность, одиночество настолько абсолютное, что становится физической болью, жжёт в груди, сдавливают горло, не даёт дышать. Сознание, расширяющееся, давящее изнутри, ищущее выход, как узник ищет щель в стене тюрьмы, как животное в капкане грызёт собственную лапу, лишь бы освободиться. Кожа, трескающаяся. Кости, ломающиеся одна за другой, со звуком, как раскалывается лёд на замёрзшем озере весной, когда толща больше не выдерживает собственного веса. Тело, разваливающееся на куски, на фрагменты, на молекулы. И единственная мысль, пульсирующая в умирающем мозгу на частоте, которую не заглушить ничем, не остановить, не забыть—

Не хочу быть одна, не хочу, не хочу, не хочу.

Элара вырвала руку от кристалла. Рухнула на пол.

Дышала тяжело, всхлипывала, не могла остановить слёзы, которые текли сами по себе, горячие, солёные, бесконечные. Кристалл всё ещё вибрировал в чаше, как будто призывая её вернуться, коснуться ещё раз, пережить снова, потому что одного раза недостаточно, никогда не будет достаточно, боль богини такая глубокая, что требует бесконечного повторения, бесконечного свидетельствования. Она лежала на холодном камне, понимая, что только что пережила смерть богини изнутри, что ужас, которому миллион лет, теперь живёт в ней тоже — скопировался, отпечатался, въелся под кожу, как чернила, которые не отмыть никогда, как шрам, который будет болеть до конца жизни.

Согласно концепции эмоциональной памяти, воспоминания, связанные с травмой, кодируются иначе, чем обычные — они проходят через древние структуры мозга, отвечающие за выживание, минуя рациональную обработку. Такие воспоминания не забываются. Хранятся десятилетиями с первоначальной интенсивностью. Можно вспомнить травматический момент через пятьдесят лет и пережить заново с той же силой, как будто только что случилось.

Элара только что получила травматическую память возрастом в миллион лет.

Вернулась в келью на дрожащих ногах. Записала всё, что чувствовала, дрожащей рукой, буквы кривые, строки наползают друг на друга, но нужно записать, пока не забыла детали, пока образы ещё свежие, пока боль ещё острая. Доложи-

ла старшей жрице утром, голос сорванный, глаза красные от бессонной ночи и слёз.

Через три дня кристаллы треснули — все одновременно, на рассвете первого дня весны.

Из каждого вылупилось существ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.